Денис Драгунский

52 рассказа о любви

18+

Еженедельник

РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНЫ ШУБИНОЙ

Проза Дениса Драгунского

Денис Драгунский

52 рассказа о любви: Еженедельник

«Издательство АСТ»
2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Драгунский Д. В.

52 рассказа о любви: Еженедельник / Д. В. Драгунский — «Издательство АСТ», 2026 — (Проза Дениса Драгунского)

ISBN 978-5-17-191606-0

Денис Драгунский – писатель и журналист, автор книг «Фабрика прозы», «Обманщики», «Двоюродная жизнь», «Смелая женщина до сорока лет», «Подлинная жизнь Дениса Кораблёва» и многих других. В этой книге собраны 52 рассказа о любви – счастливой, роковой, веселой, трагической, вечной, мимолетной, терпеливой, утомительной, нежной, злой, верной, безумной, робкой, страстной, прохладной, глупой, внезапной, тайной, наивной, циничной, бескорыстной, продажной, благородной, низменной, плотской, интеллектуальной, идеальной, аристократичной, простонародной, искренней, наигранной, депрессивной, серьезной, комичной, сдержанной, отвязной, благовоспитанной, нахальной, загадочной, целеустремленной, разгильдяйской, яростной, всепрощающей, безотчетной, драгоценной, незабвенной, никчемной, обидной, мудрой, мстительной, бесстыдной и даже равнодушной – но все равно это любовь, и она никогда не бывает несчастной.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-191606-0

© Драгунский Д. В., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Предисловие 6
Январь – март 9
Зимняя сказка 9
Кастинг 13
Свадьба на восемь персон 16
Незнакомый мужчина 21
Зассыка 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Денис Драгунский
52 рассказа о любви: Еженедельник

Серия «Проза Дениса Драгунского»

© Драгунский Д.В.
© ООО «Издательство АСТ».

Предисловие

Давно это было. Мне и моим друзьям-ровесникам было лет по тридцать-сорок. Как-то раз мы сидели, пили вино и хвастались, у кого сколько было романов за всю жизнь. Правду сказал великий французский новеллист: о чем еще говорить в мужской компании после обеда? Мы загибали пальцы, закатывали глаза, чесали в затылках, неслышно шептали имена и фамилии.

Один из нас сказал:

– А мне и считать не надо. В прошлом году у меня романов было ровнехонько пятьдесят два. И в позапрошлом тоже. Полагаю, – усмехнулся он, – что по итогам текущего года получится столько же.

– Ого! – изумились мы. – Врешь! Да, и еще: а почему именно пятьдесят два?

– Неужели не поняли? – ответно удивился он. – Я же музыкант!

Он действительно был музыкантом: играл и пел в популярном ансамбле.

– У меня уже несколько лет, – объяснял он, – не жизнь, а бесконечный «чёс» по всему Союзу. Практически без отпусков. Может быть, пять раз в году по четыре дня отдыхаю. А так – сплошняком гастроли. Каждую неделю новый город, там концерты, не менее двух. Ну и… Сами понимаете. Обязательно что-нибудь этакое происходит. Кто? Да мало ли. Поклонница-фанатка, журналистка, гримерша, костюмерша, парикмахерша, официантка – иногда сам даже не знаю, кто: она не рассказывает, а спрашивать неловко, да и незачем…

Мы засмеялись и сказали, что это не *романы,* а сами знаете что.

Он даже обиделся.

– Нет! – говорит. – Это всегда была любовь! Пускай недолгая. Но самая настоящая. Там все было – внезапная симпатия, красивое лицо, глаза, жест… первый взгляд, первый вздох, разговор, прогулка по ночному городу, кафе, дерзость или неловкость… счастье быть вместе… потом разлука… Чем не любовь?

– Очень уж кратко! – смеялись мы.

– Дураки вы! – он не сдавался. – Огромные романы Льва Толстого – это литература? А коротенькие рассказы Чехова? Неужели нет? А? То-то же!

Эк загнул! Мы даже предположить не могли про нашего друга, гитариста и певца, что он такой философ.

Я вспомнил этот давний разговор, составляя сборник своих рассказов о любви. Пусть их будет пятьдесят два – по числу недель в году. Разделенные, как любой год, на четыре квартала согласно сезонам, в которые происходит действие.

Но почему опять о любви?

Вечный спор:

– Художественное произведение тогда лишь значительно и полезно, когда оно в своей идее содержит какую-нибудь серьезную общественную задачу, – говорил Костя, сердито глядя на Ярцева. – Если в произведении протест против крепостного права или автор вооружается против высшего света с его пошлостями, то такое произведение значительно и полезно. Те же романы и повести, где ах да ох, да она его полюбила, а он ее разлюбил, – такие произведения, говорю я, ничтожны, и черт их побери.

– Я с вами согласна, Константин Иваныч, – сказала Юлия Сергеевна. – Один описывает любовное свидание, другой – измену, третий – встречу после разлуки. Неужели нет других сюжетов? Ведь очень много людей, больных, несчастных, замученных нуждой, которым, должно быть, противно все это читать.

– Если поэзия не решает вопросов, которые кажутся вам важными, – сказал Ярцев, – то обратитесь к сочинениям по технике, полицейскому и финансовому праву, читайте научные фельетоны. К чему это нужно, чтобы в «Ромео и Жульете» вместо любви шла речь, положим,

о свободе преподавания или о дезинфекции тюрем, если об этом вы найдете в специальных статьях и руководствах? (А.П.Чехов. «Три года», 1895)

Сдается мне, что этот самый Ярцев (кстати говоря, весьма симпатичный чеховский персонаж) прав.

Но не потому, что надо разделять жанры: про большие общественные проблемы писать в серьезных диссертациях, а о чувствах, и прежде всего о любви – в изящной словесности. Дело не в этом.

Потому что вся литература на самом деле – о любви, и только о ней.

Жизнь человека – это, некоторым образом, «дом с мезонином».

Все чувства, эмоции и переживания, которые живут в мезонине, на верхнем как бы этаже нашего «я», крепко опираются на то, что делается в доме и в подвале. И наоборот, влечения и страсти сильно влияют на наше социальное поведение. Рассказ о любви при внимательном чтении может оказаться политическим памфлетом – как тот же чеховский «Дом с мезонином», в котором говорится не столько о любви, сколько о столкновении радикальных социалистов, либералов-*постепеновцев* и добродушных интеллигентных мещан – актуальнейший конфликт конца XIX века…

Читатели мне часто пишут письма, особенно в социальных сетях. Если у меня в рассказе любящая пара сильно ссорится и в итоге расстается – читатели говорят: «Ага! Значит, любви-то там и не было!» Предполагается, что любовь – это чувство единственное, вечное и всепрощающее.

Оно бы и хорошо, да так не бывает.

А самое главное, не бывает никакой *просто любви,* а тем более *любви вообще*. Она всегда разная, и у нее всегда есть причины – кстати, как и у ненависти. Иногда они как будто играют в пинг-понг.

Почему мальчик Ваня из самого первого в этом сборнике рассказа яростно влюбился в уродливую нищую девочку-инвалидку? Скорее всего, потому, что он терпеть не мог своих богатых и влиятельных родителей. За что? Возможно, ему было стыдно семейной роскоши на фоне обыкновенной жизни обычных ребят, с которыми он общался. А может быть, его постоянно унижали, оскорбляли, попрекали в детстве. У него не было сил убежать, отказаться от богатства и комфорта – и он решил отомстить родителям вот таким манером.

Почему отец сделал свою единственную дочь участницей схемы по отмыванию преступных денег? (А уж какие там были преступления, вообще вообразить страшно: рассказ «Дочь военного пенсионера».) Потому что любил ее так сильно, что на все был готов ради ее обеспеченной жизни.

Почему Сандра из рассказа «Незнакомый мужчина» спуталась с какими-то темными личностями? Потому что она обожала свою маму, красивую, удачливую, строгую *self-made woman*: четыре года в университете, два – в магистратуре, три – в докторантуре, еще пять лет рядовой сотрудницей, еще пять лет завотделом, еще пять – начальница департамента, еще пять – вице-директор – ура, жизнь удалась! Бери пример, доченька. «Что?! Четверть века обдирать локти? Никогда!» Обожание превращается в ненависть: лучше тюрьма на краю света, чем мамина прямая спина, аккуратная прическа и презрительно-сочувственный взгляд.

Почему Мира Захарова вдруг убежала от любящего и доброго Саши Муромцева прямо в новогоднюю ночь? Имеет право. Молодость, внезапное увлечение, и вообще, как сказал поэт, *«сердцу девы нет закона»*. Но и сердцу юноши – тоже. «А теперь, через тридцать лет, ты, драная кошка, хочешь, чтоб я помог тебе с работой? Вон отсюда!» То есть, выходит, он любил ее все эти годы – потому и не простил (рассказ «Мира и Мура»).

А вот успешная банкирша Светка Быстрова и знаменитый художник Павлик Лопатин из рассказа «Развилка и риск» тоже любили друг друга лет сорок назад – но все же поженились в конце концов, хотя когда-то он ее обидно бросил, а она его чуть не убила.

И даже случайная встреча с *девушкой по вызову* (рассказ «Частный фельдшер») может стать драгоценным переживанием доброты и сочувствия, то есть самой настоящей, искренней и человечной любовью, пусть и на часок. Хотя ни сама девушка, ни ее нечаянный партнер ни разу потом об этом не вспомнят.

Едва ли не главное в любви – то, чего мы не замечаем. Забываем, упускаем из виду, отмахиваемся, иногда презираем и даже ненавидим. А оно – вернее, она сама, любовь, – живет в нас и тихонько шепчет: «Это я. Я здесь. Я с тобой».

Она всегда с нами. Надо только услышать ее голос в шуме дней.

Июнь 2026

Январь – март

Зимняя сказка

не люби, богатый, бедную

Мальчик Ваня жил на четвертом этаже, и на пятом тоже – у них была двухэтажная квартира в огромном новом доме из гранита, мрамора и хрусталя в переулке недалеко от Белорусского вокзала, на месте бывшей фабрики.

Но совсем рядом была старая панельная многоэтажка, и вот в ней-то как раз и жила девочка Настя. В однокомнатной квартире на первом этаже, что несколько облегчало жизнь ее мамы, потому что девочка не могла ходить. У девочки была какая-то редчайшая болезнь. Синдром Какусаки – Тукисуки, или вроде этого. Так она объясняла мальчику, смеясь. Потому что в ее положении ей ничего, кроме смеха, не оставалось. Сами смотрите – папы нет, и никогда не было, у мамы грошовая зарплата и крохотная пенсия на ребенка-инвалида. Мама приходила с работы, кормила дочь, а потом выволакивала ее на коляске погулять и оставляла во дворе на часок-другой.

Девочка была совсем некрасивая. У нее была плохо зашитая заячья губа, редкие крупные зубы, большие косо стоящие глаза. Прикрытые одеялом тонкие-претонкие ноги с навечно распухшими коленками. Зато руки, несмотря на ее четырнадцать лет, были большие и сильные, с широкими ладонями и намозоленными пальцами, потому что она сама вертела колеса своей коляски. Она была похожа на лягушку.

Мальчик влюбился в нее сразу. Дело было зимой. Он случайно проходил мимо детской площадки рядом с этой панельной многоэтажкой и увидел, как она одна катается в своей коляске вокруг заснеженной песочницы. Он целый час ходил рядом и смотрел в ее широко и косо расставленные серые глаза.

Вечером рассказал про нее своей маме. Какая она милая, бедная, несчастная, но веселая и умная и вообще потрясающая. Мама сказала: «Завтра отнеси ей что-нибудь вкусное», – и сама собрала корзинку фруктов, растроганно думая, какая добрая душа у ее мальчика.

Хотя на самом деле надо было тем же вечером увозить сына в другую страну и там отдавать в кадетское училище или духовную семинарию, потому что с каждым днем он все сильнее привязывался к этой инвалидке. И вообще ни с кем не водился, кроме нее. Вот ему уже пятнадцать лет исполнилось, потом – шестнадцать, а он, придя из школы, тут же бежал к ней, вытаскивал ее гулять, и они о чем-то долго разговаривали. Это было уже похоже на легкое безумие.

Потом Настина мама умерла, а папы не было вовсе, и Ваня попросил свою маму нанять для Насти помощницу.

* * *

– Ну и какие у тебя планы? – однажды спросила Ванина мама, у которой уже лопалось терпение на все это смотреть.

– Обыкновенные, – сказал Ваня. – Нам исполнится восемнадцать, и мы поженимся. Только, мама, она почему-то не хочет. Может быть, стесняется? Ты с ней поговори, ладно?

– Но нельзя же насильно! – обрадовалась мама. – Я, конечно, попробую, но ей решать, она самостоятельный человек, личность! Вдруг она тебя на самом деле не любит?

– Ну и что? – Ваня пожал плечами. – Я-то ее все равно люблю. А если она не захочет, буду ее дальше уговаривать. Не сразу, так через год, пять, десять, она все-таки меня полюбит.

– Она не сможет быть твоей женой, – сказала мама.

– А почему?

– Она больна.

– Я знаю.

– Нет! – жестко сказала мама. – Ты не все знаешь. Я говорила с врачами.

– Кто тебя просил? – закричал Ваня.

– Но ты же мой сын! – крикнула она в ответ. – Я же не против! Женись хоть на лягушке, мы с папой вас обеспечим, и детей ваших, и внуков. Но я должна знать. Я все узнала. У нее глубокий инфантилизм половых органов, – чеканила мама. – У нее матка и влагалище, как у годовалого ребенка. Прости меня, что я так вслух. Она не сможет не только рожать, она не сможет быть твоей женой в самом простом смысле, понял?

– Ерунда, – сказал мальчик. – Обойдемся. Я ее люблю, и всё. А потом, она может выздороветь. Вдруг, понимаешь? Чудом, понимаешь?

Мама внимательно посмотрела на Ваню и улыбнулась.

Ваня растерянно взглянул на нее, на ее лицо, неожиданно ставшее сказочно добрым, ласковым и чуточку беспечным. Хотя полминуты назад она была вся красная, злая и озабоченная.

– Кто знает, – прошептала она, взяв сына за руки. – Я тоже верю в чудеса. Вдруг ты ее однажды поцелуешь, как Иван-царевич свою Царевну-лягушку, и она превратится в волшебную красавицу.

– Перестань! – сказал он, выдернул руки и чуть не заплакал. Но потом спросил: – Точно?

– Вдруг… – легко вздохнула мама.

* * *

Насте исполнилось восемнадцать. Был праздник в маленькой квартире в панельной многоэтажке. Настя, Ваня, Ванина мама и Настина помощница-сиделка Клавдия Петровна. Торт со свечками и немного сухого вина.

Это была суббота.

В воскресенье Ваня, как всегда, пошел к Насте. Отпер дверь своим ключом. Вошел. Настя лежала в кровати. Она лежала на спине, укрывшись до подбородка, и спала. Ваня приблизился к ней. Она была совсем бледная и как будто неживая. Ему стало страшно. Он присмотрелся к ее груди. Было заметно, что она дышит. Он стал у изголовья на колени и шепотом позвал: «Настя!» Она не отозвалась. Тогда он нагнулся и первый раз в жизни прикоснулся губами к ее губам.

Настя открыла глаза, выпростала руки из-под одеяла и обняла его, и поцеловала, и вдруг спрыгнула с кровати и прижалась к нему. Она была стройная, длинноногая и прекрасная. Здоровая и сильная. Только маленький, едва заметный шрам от заячьей губы, и чуть крупноватые зубы.

Они поженились.

Ванины родители купили им большую квартиру неподалеку. Ваня и Настя поступили в институт и окончили его. Потом Настя родила мальчика, а через полтора года – второго. Все шло отлично, кроме одного печального случая: Ванин папа скоропостижно скончался на горнолыжном курорте при не совсем ясных обстоятельствах. Ваня унаследовал четверть его немалого состояния.

* * *

Да, все шло отлично, но однажды, когда после свадьбы прошло уже двенадцать лет, тридцатилетний Ваня пришел с работы домой и увидел плачущую Настю.

– Что с тобой? – он усадил ее на диван, обнял.

– Мама умерла…

– Что?! – он вскочил с места.

– Да нет, моя.

– Твоя? – изумился Ваня и снова сел. – Она же умерла лет пятнадцать назад! Мы же к ней на могилу ходим!

– Перестань! Хватит притворяться. Мама нашлась. Вернее, я ее нашла. Но не успела повидать. Я ее не осуждаю. Она была слабая женщина. Пила, болела. Я не решалась. Мне страшно было ее увидеть. Сегодня набралась сил, позвонила. Соседи сказали, что всё, умерла.

Она снова заплакала.

– Кто-то из нас с ума сошел, – сказал Ваня.

– Не притворяйся! – крикнула она. – Что, правда не понимаешь? Так вот тебе! Я детдомовская. Ничейная. Отказная в смысле. Твоя мама Аглая Павловна меня нашла. Вернее, выбрала. Долго выбирала, наверное. Чтоб вот такая. С бывшей заячьей губой, но глазастенькая. Она меня долго готовила. Сначала уговаривала. Потом документы мне меняла. Потом все объясняла, как меня зовут, что и как, про квартиру и двор, про твои любимые книжки…

– А потом заменила? – спросил Ваня. – Прямо вот в эту ночь?

– Да. В половине пятого утра.

– Как интересно, – Ваня вытащил из кармана телефон, набрал номер. – Мама, привет, это я. Ничего, нормально. У меня к тебе один маленький вопрос. Вот скажи, в эту самую ночь, когда мы праздновали Насте восемнадцать лет… Вы ей потом сделали укол, погрузили на машину, и тю-тю?

В телефоне было молчание.

– Какое тю-тю, ты что? – возмутилась Настя, которая сидела рядом с ним на диване. – Аглая Павловна мне все объяснила! Что она была согласна! Что ей дадут деньги, переведут в самый лучший частный интернат… Пожизненное содержание! Она же сама не хотела за тебя замуж, ты же сам это своей матери говорил!

– Ясно, – кивнул Ваня и нажал отбой, кинул телефон на диван.

Через несколько секунд телефон зазвонил.

– Алло? – сказал Ваня. – Не звоните мне больше, мадам.

Телефон зазвонил снова.

– Маменька, сколько раз повторять, – сказал он даже с некоторой учтивостью. – Не звоните мне больше. Забудьте про меня. Выкиньте из головы. И ты, – он повернулся к Насте, – тоже выкинь меня из головы. Хорошо, что дети на каникулах. Передай им, что папы у них больше нет.

– Дети-то в чем виноваты? – зарыдала Настя.

– Ни в чем, – пожал плечами Ваня. – И ты ни в чем не виновата. Но я не могу тебя видеть. Хотя ты, конечно, должна была сознаться. Почему ты не созналась?

– Твоя мама сказала, что ты сумасшедший. Не сильно, слегка, но реально тронутый. Что ты на полном серьезе веришь в чудеса и сказки. Что уродка-инвалидка от любви превращается в красивую девушку.

– Тем более, – сказал Ваня и встал, подобрал с дивана телефон. – Насчет денег я сделаю все нужные распоряжения, с тобой свяжутся, прощай.

– Ты и есть сумасшедший! – крикнула она ему вслед.

* * *

Он разыскал ту, настоящую, Настю через полгода.

Это был и вправду дорогой частный интернат, под Ростовом Великим. У нее был там отдельный двухкомнатный блок, личная нянечка и муж – почти слепой безногий художник, когда-то довольно известный: его совсем старую картину «Поэт, певец и клоун» недавно продали в Лондоне за полтора миллиона фунтов. Ване это рассказал директор интерната.

Ваня обрадовался, что с Настей всё в порядке, но понял, что ожидал чего-то другого. Ехал, чтобы броситься в ножки, вымолить прощение, а потом забрать к себе. А так – и встречаться, собственно говоря, незачем.

Была зима. Настоящая, морозная, снежная.

Дорога шла прямо, упираясь в золотой круг садящегося солнца. Обледенелая колея сверкала зеркалом. Снег розовел на ветвях громадных елей.

В жизни не было ничего. Вообще ничего, кроме этой зимы, этого снега, этого темнеющего неба, этого колкого ветра.

Кастинг

правду! ничего, кроме правды!

– Переоденьтесь, – сказала режиссер Надежда Петровна молодой актрисе.

Показала на стол, где были разложены ношеная суконная юбка, засаленная байковая кофта, шерстяная фуфайка с катышками, большие сизые трусы, нитяные чулки и пояс с резинками. Под столом стояли ботинки на шнурках.

– В смысле прямо здесь? – спросила актриса.

– Прямо здесь, в смысле тут.

– А зачем трусы и майку? – возразила актриса. Она была красивая, очень худая и стройная, с большими темными глазами и красиво подрезанными волосами, длинными, ниже лопаток. – Может быть, хватит юбки и кофточки? Ну и чулки я натяну, если вы настаиваете.

– Послушайте… как вас зовут? Вы сниматься в нашем кино хотите?

– Хочу. Аня меня зовут. Хорошо. Я переоденусь. Да, конечно. Пожалуйста.

– Господи! Боже ты мой! – вдруг закричала Надежда Петровна. – А ну повернись, девочка, ко мне передом! Что это?

– Где? – испугалась Аня. Она стояла перед Надеждой Петровной совсем голая, прижимая к груди только что снятый топик.

– В Караганде! Зачем это самое побрила?

– Я, извините, всегда…

– Тьфу! – сказала Надежда Петровна. – Одевайся.

Она вышла в коридор.

Там на длинной скамейке сидели еще пять юных актрис.

– Девушки, – обратилась к ним Надежда Петровна. – Поднимите руки, у кого лобки небритые. А? Что? Ну хоть одна волосатая есть на вашу компанию? Господи… Валерка! – крикнула она вглубь коридора. – Выдай девушкам по тысяче рублей и проводи.

– Предупреждать надо! – обиженно сказала одна из кандидаток. – Я бы, например, могла заранее подготовиться.

– Брось! – отмахнулась Надежда Петровна. – Мы объявление давали две недели назад. За две недели все равно бы ничего не отросло. До свидания, мои дорогие. Извините. Валерка! Ты где?

Пришел Валерка, поставил портфель на скамью, достал бумагу, ручку и перетянутую резинкой пачку наличности.

– Подходите расписываться, – сказал он.

Надежда Петровна вернулась в комнату кастинга.

Аня все так же стояла, прикрывшись топиком. Наверное, она слышала разговор в коридоре и все-таки надеялась, что ее возьмут на роль.

– Я же сказала, одевайся! – раздраженно буркнула Надежда Петровна. – Чего застыла?

– А давайте подождем? – Аня заглянула ей в глаза. – Я ведь вам по всему подхожу… Вы же сами сказали…

– Что подождем? Пока шерсть отрастет? Два месяца? Или даже три?

– Да! – сказала Аня.

– Дай подумать… Ты, кстати, не так уж и подходишь. Двигаешься так, что сразу видно, какое у тебя гладкое и удобное белье. Поэтому я тебе велела переодеться. Но это ладно. Хуже другое. Глаза у тебя сытые. Спокойные такие. И худая ты не от голода, а от диеты и фитнеса. Но где другую взять? Послушай. Ты сниматься у меня хочешь?

– Очень.

– Значит, так. Одевайся вот в это во все. Мы, как ты знаешь, будем снимать кино про войну и блокаду. Ты можешь прочитать про это сто книг, горькими слезами плакать, но все равно не сыграешь. Глаза спокойные потому что. Сытые, я сказала.

– Нет, сыграю! – возмутилась Аня. – Я училась у Васильева!

– Изобразишь, да. А мне этого не надо. Мне нужна реальность. Поэтому вот так. Родители есть? Муж?

– Родители в Самаре. Мужа нет. Есть, ну, мой друг…

– Это хорошо. Значит, так. Будешь жить в отдельном домике, тут недалеко. Три месяца будешь жить. Одна комната и кухня. Воды горячей нет. Холодная вода в колодце. Сортир на улице. Газа нет, печка. Но дров мало. Так что в доме холодно. Телевизора нет. Телефона нет. Айфона тоже нет. Все новости я буду тебе сама приносить в виде газеты «Ленинградская правда». Тогда у тебя будут глаза, и выражение лица, и голос – вот так, как мне надо.

– Простите, – сказала Аня, нахмурившись. – Мне все понятно. Кроме одного. Зачем чтобы там были обязательно волосы?

– Чтоб у тебя там свербело и чесалось! – заорала Надежда Петровна. – И под мышками тоже! Без горячей воды! Вот когда ты это почувствуешь – тогда сможешь сыграть. Тогда ты будешь правильно ходить, сидеть и говорить! Даже после эпиляции и в стрингах. Поняла?

– Поняла, – сказала Аня. – Я все поняла.

– И самое главное, – завершила Надежда Петровна. – Насчет работы и жратвы. Ты будешь библиотекарь. Будешь писать каталожные карточки. Получать за это будешь триста граммов хлеба в день. Иногда пару картошек. Ну, сахару кусочек. Если я раздобуду. Всё? Договорились? Не слышу? Ты согласна? Или забоялась?

– Да! – крикнула Аня. – А я тогда правда хорошо сыграю?

– Ты будешь самая лучшая актриса на свете, – серьезно сказала Надежда Петровна. – Всех времен, а также всех народов. Давай, звони родителям и кавалеру. Наври про срочный вылет на съемки в Чили, к примеру. При мне. И отдашь мне мобильник.

– А можно мне заехать домой?

– Чего? У тебя же родители в Самаре!

– Ну, в смысле в квартиру, мы ее снимаем вместе с моим молодым человеком. Можно?

– Нельзя. Давай одевайся, едем.

* * *

Через две недели уменьшили паек.

Есть хотелось ужасно. От голода Аня едва могла заснуть.

Однажды ночью раздался звук разбитого стекла. Она проснулась, вскочила с кровати, схватила кочергу. В комнату на четвереньках вползал какой-то мужчина. Он смотрел на нее и скалил зубы. Она оцепенела. Он протянул руку – сухую, костлявую, с длинными толстыми ногтями, и едва не схватил ее за ногу. Облизнулся. «Людоед!» – поняла она и беззвучно ударила его кочергой по голове. Он повалился на пол, навзничь, но все равно пытался вцепиться в нее. Она ударила его еще несколько раз. Потекла кровь. Он дернулся и затих. Она облизнулась, в точности как он. Вытащила из-под подушки кухонный нож и отрезала ему нижнюю губу. Запихнула ее себе в рот – и тут же проснулась в холодном поту.

Аня закашлялась до рвоты. Во рту была длинная вязкая слюна, которую не отхаркнуть, не перекусить зубами. Попила воды.

Дождалась рассвета и снова села писать каталожные карточки – вернее, переписывать. Со старой орфографии на новую.

С каждой неделей становилось все холоднее. Она научилась обертывать ноги газетной бумагой и совать их в разношенные мужские валенки. Вся комната у нее была обвешана выре-

занными из газеты портретами Сталина. «Потому что нельзя же портретами товарища Сталина ноги обертывать!» – объяснила она Надежде Петровне, которая приносила ей паек и газеты.

– Ты какая-то слишком хорошая актриса, – вдруг сказала ей Надежда Петровна. – Извини, но даже как-то чересчур.

Тогда Аня она написала письмо родителям в Куйбышев, что остается в Ленинграде и не будет эвакуироваться. Письмо не дошло, потому что на почте не знали, что город Куйбышев – это теперь Самара.

Так что родители не смогли ее найти. А Надежда Петровна и не искала.

Аня пережила всю блокаду, а потом устроилась вести театральный кружок в районном доме пионеров. Работала чуть ли не до восьмидесяти лет.

Жива она до сих пор. Ей девяносто шесть. Недавно она посмотрела по телевизору фильм Надежды Петровны про блокаду, и ей не понравилось.

– Все неправда, все не так было, – сказала она соседке.

Свадьба на восемь персон

держать удар

Поздним вечером Марина ждала Славу, своего жениха, в пустом баре гостиницы. Здесь они должны были переночевать и здесь же, в ресторане, завтра должна была состояться свадьба. Шаги за спиной – она вздрогнула, обернулась: нет, не он. Человек стоял против света, заслоняя головой настенную лампу, – свет вокруг головы, как на иконе, честное слово! – и она спросила:

– Вы кто?

Он обошел стол, протянул руку, улыбнулся:

– Привет, родственница!

Это был Дубасов, старший двоюродный брат Славы с материнской стороны, поэтому у него была другая фамилия.

– А где Слава? – спросила Марина вместо «здрасьте».

– Едет, едет, – успокоил Дубасов.

– Это я знаю! – возразила Марина. – Он мне позвонил в три, когда выезжал. Сказал, что будет самое позднее в семь. А сейчас половина десятого.

– Надо ему позвонить.

– Я ему звоню все время. Глухо. Наверное, там какие-то зоны без связи.

– Наверное, – Дубасов кивнул. – Может, коньячку?

– Не хочу.

– А я возьму, с вашего позволения.

– Мы же на «ты»! – вдруг разозлилась она.

– Да, да, конечно. Так что, тебе взять? Нет? Но я все равно возьму… – Он пошел к стойке, стал что-то объяснять бармену.

Марина вдруг подумала: «А что Дубасов здесь делает? Зачем он тут? Ах да. Он же свидетель на свадьбе. Ему поручено привезти кольца». Они со Славой выбирали по интернету, а платил со своей карточки «кузен Дубасов», как называл его Слава. Поэтому и кольца доставили домой Дубасову. Почему? Она не спрашивала, да и какая разница. Вон коробочка торчит у него в кармане, издалека видно. Сейчас он ей отдаст кольца и уедет, и она опять останется одна.

Одна, одна!

* * *

Она очень сильно влюбилась в Славу, прямо с первого взгляда, и сейчас его любила, но господи, твоя воля, сколько сил ей стоило дотащить его до свадьбы!

Понятное дело. Кто она и кто он? Так ей мама говорила и отчим Федор Николаевич. Лучшая подруга Танька ей то же самое говорила, но с присказкой: ничего, обломаем. *«Обломаа-им!»* – вот так.

Она была красивая, но – просто учительница младших классов. А Слава работал в областной администрации, начальником, небольшим, потому что уж очень молодой: выпускник позапрошлого года. Сам был московский; в этом был какой-то фокус для карьеры, он должен был ровно год оттрубить у них, а потом в Москву, кажется, в мэрию, а оттуда уже дальше. У него папаша был ой-ой-ой кто – замминистра! Марина со Славой познакомилась, когда он в их школу приезжал передавать компьютеры по благотворительности. Они сразу друг на друга запали, само все получилось, слово за слово, кафе-прогулка-гости…

Он, конечно, думал, что будет легкое приключение, тем более что она на два года старше. На два года и восемь месяцев, если честно – почти на три. Она ему не сразу сказала. А когда

сказала, он даже обрадовался, что не юную девочку соблазнил и теперь что-то должен, а просто – свободные отношения со взрослой женщиной.

Она его сильно любила, и он ее вроде тоже, смотрел в глаза, говорил разные нежности, но все равно она чувствовала, что совсем одна. Хотелось все бросить. Сказать: «Спасибо, Славочка, за любовь и радость, вот доработаешь свой год у нас – и прощай. Отпускаю!» Красиво. Благородно. Будет, что вспомнить.

Но подруга Танька сказала: *«Обломаа-им!»* И обломала. Она с ним сама поговорила. Встретила его после работы как будто случайно, прошлись полквартала пешочком. Танька не объяснила Марине, какие у нее там были аргументы и факты. Коротко так усмехнулась: «Убедила. Не спрашивай». Марина и не спрашивала, чего тут спрашивать: Танька жила с главным областным бандитом. Через три дня Слава сделал предложение. Через неделю поехали в Москву знакомиться с родителями и, кстати, с Мишей Дубасовым. «Дубасов, мой кузен!» – сказал Слава; тот поцеловал ручку, они перешли на «ты», а потом он в прихожей шепнул Марине:

– А ты неплохо держишь удар, родственница.

Она сначала не поняла, какой удар. Может быть, будущие свекор и свекровь как-то не так с ней разговаривали? Да, свекор почти ни слова не произнес. Но она ничего не заметила и Славе своему ничего не сказала.

Хотя после этих слов снова подумала, что она одна.

Год, который Слава должен был отработать в этом городе, скоро кончался, месяц оставался, даже меньше.

Свадьбу спланировали в самом узком семейном кругу. Родители Славы. Ее мама и отчим. Свидетели – Танька и Дубасов. Ну и жених с невестой. Всего восемь человек.

* * *

– Миша, – сказала она Дубасову, когда тот вернулся за столик с двумя бокалами коньяка. – Ты посиди со мной, пока Слава приедет. Ладно?

– Да, кольца! – вспомнил Дубасов и вытащил коробочку из кармана. – Сейчас возьмешь? Сумочка есть? Или чтоб я Славке передал?

– Все равно. Ну ладно, давай. Ты посидишь? Ты чего не отвечаешь.

– Посижу. – Дубасов взял бокал с коньяком, покрутил его, погрел в ладонях, понюхал, отпил чуть-чуть.

– Позвони Славе.

– Сейчас, – он достал телефон. Раздалось: «…или находится вне зоны действия сети».

Он видел, что она волнуется, утомлена и даже обозлена. Стал ей что-то рассказывать, развлекать беседой. Сказал, что Слава позавчера уволился, наконец, из областной администрации. Год уже прошел. Утром уложил все вещи в свой джип, и всё, здравствуй, Москва!

– Зачем он вообще к нам приезжал? – спросила Марина, как будто бы забыв, о чем ей Слава говорил.

– Чтобы потом могли хорошо доложить «там». – Дубасов посмотрел на потолок и объяснил чуть подробнее: – Главный дядя, который нашего Славика опекает, очень ценит ребят, чтоб с опытом работы в регионах. Ясно?

– Да, да, – Марина кивала, но видно было, что ничего не понимает и не интересуется; ей было не до московских карьерных фокусов.

Дубасов стал рассказывать о себе. О маме с папой: мама – доктор, папа – химик. О своей семье: женился на третьем курсе, на пятом – развелся. О работе: фармаколог, скорее теоретик. «Окончил мединститут, кандидат наук. Медик, но не врач, понятно?» Марина опять кивала. Потом рассказал про свою фамилию. Фамилия старинная. При советской власти дедушка гор-

дился, что у Суворова был любимый денщик, простой солдат Прошка Дубасов. А потом, уже после перестройки, папа гордился адмиралом Федором Дубасовым, губернатором Москвы, который подавлял декабрьское восстание в революцию 1905 года. «Смешно, правда?»

Марина не понимала, что тут смешного. Она, кажется, была не слишком образованна. Про Суворова знала, а про революцию и кровавого губернатора – вряд ли. Смотрела на Дубасова своими чудесными серыми очами: в них были одиночество и наивность.

«Наивный человек в наше время всегда одинок», – подумал Дубасов.

– Какой жгучий коньяк, – сказала она, отпивая чуточку. – Прямо вот тут жжет! – И потерла себе грудь чуть ниже горла. – А тебе не жжет? Тебе нравится такое пить?

«Господи! – думал Дубасов. – Какая хорошая. Славик так и сказал: "*Я полюбил ее даже не за красоту, а за какую-то невиданную, невероятную наивность, доверчивость, простоту – я смотрю в ее глаза и забываю все: Москву, институт, хищных девчонок и злобных приятелей; забываю службу, карьеру, все вот это жополизание, лояльность, своих и чужих, взятки, распилы, все свои планы и проекты, мамины советы, папины наставления – все это исчезает, тает, растворяется в ее глазах, в ее шепоте, в ее русых волосах*". Ах, как красиво и влюбленно говорил Славик, даже завидно».

– Нет, – ответил Дубасов, делая хороший глоток. – Мне не жжет. Видать, привык.

– Позвони Славе еще раз, – попросила она. – Двенадцать скоро!

Дубасов полез в карман за мобильником, но в этот самый миг запел телефон у Марины в сумочке. На экране высветилось лицо Славы, он весело улыбался, Марина сама делала этот снимок.

– Да, да! – ответила она. – Привет! Где ты?

Телефон молчал.

– Слава! Связь плохая! Ты где? – кричала она.

Кто-то кашлянул на том конце, и незнакомый голос произнес:

– Инспектор ГИБДД лейтенант Котов. С кем я разговариваю?

– Что?! – крикнула Марина – Где Слава?

– Сообщаю, что в результате ДТП…

Она выронила телефон. Дубасов подхватил его, вскочил из-за стола, отошел в угол.

Марина только слышала отрывистое «Да. Да. Да. Когда? Да. Да».

Вернее, она уже ничего не слышала.

* * *

Марина проснулась в том самом двухкомнатном люксе, который был снят для свадьбы, для первой брачной ночи. Она спала в одежде, на огромной белой кровати, поверх одеяла, прикрывшись кружевным покрывалом. Открыла глаза. Вспомнила, что случилось. Заплакала. Из соседней комнаты вышел Дубасов – наверное, спал на диване, тоже не раздеваясь.

– Спасибо тебе, Миша, что не ушел, – сказала она. – То есть, простите, *вы не ушли*.

– А? – не понял Дубасов. – Боялся, что тебе станет плохо. Но ты хорошо спала, крепко, нормально спала.

– Из-за коньяка, наверно, – сказала она и снова заплакала. – Давайте обратно на «вы». Мы же теперь никакие не родственники.

– Не валяй дурака, – сказал Дубасов.

– Надо Славиным родителям позвонить.

– Уверена?

– А как же? – Она схватила телефон, набрала номер и услышала поток – нет, лавину, страшный камнепад – проклятий.

– Это из-за тебя он погиб! – орала несостоявшаяся свекровь. – Дрянь! Мерзавка великовозрастная! Если бы не ты, он бы ночью по ледяной дороге не мчался! Он был бы жив! Мой мальчик! Мой сыночек! Ненавижу тебя! Проклинаю тебя! Забудь этот номер! Забудь нашу фамилию! Проваливай в свой Мухосранск! Не смей на похороны являться! Попробуй только! Своими руками придушу! Охрану выставлю! В полицию сдам! Гадина, гадина, гадина!

– Вот видишь, – проговорил Дубасов.

– Почему она такая? – спросила Марина. – Жестокая?

– То ли генетика, то ли условия социальной среды… – тяжело усмехнулся он. – Извини.

В дверь постучали. Дубасов отворил. Вошли Маринины родители, точнее, мама и отчим. Они сказали, что уже заселились с утра пораньше и вот приглашают дочь пойти на завтрак. У них были веселые и сладкие улыбки.

– Свадьбы не будет! – крикнула Марина.

– Вот подлец! – всплеснула руками мама, а отчим крякнул: – Убег?

– Он умер. Погиб в ДТП, – объяснила Марина уже тише. – Вчера, почти что в полночь. Быстро ехал, разбился насмерть. Гололед. Не приставайте ко мне, пожалуйста.

Помолчала и обратилась к Дубасову:

– Миша, если можешь, помоги маме и Федору Николаевичу поменять билеты.

– Чего ж нам сегодня уезжать-то? – удивилась мама. – Когда мы заселялись, нам сказали, что гостиница до завтра оплачена. Когда еще другим разом в Москву попадем? Мы уж тогда с Федей погуляем. Может, купим чего. А завтра уж поедем. Да! И конечно, наше соболезнование.

Марине стало так противно и тоскливо, что она встала, обняла маму, поцеловала ее в обе щеки, пожала руку отчиму и сказала почти что вежливо:

– Да, да, да, конечно. Спасибо большое.

А когда они ушли, сказала:

– Хорошо, что свадьба в тесном кругу. Была бы, я имею в виду. Не жалко отменять. В смысле денег. Это я не о себе забочусь, а о его родителях. Сколько расходов. А на похороны правда нельзя?

– Ну ты же слышала, – вздохнул Дубасов.

* * *

Они с Дубасовым сошлись через год примерно. Он сначала ездил к ней, в ее город. Просто так, утешить в горе. Чисто по-человечески. Потом приглашал к себе. Один раз повез ее отдыхать в Кисловодск. Там в гостинице на стойке, подавая паспорта, он сказал, что забронировано два номера.

– Мужчина шутит, – сказала Марина. – Нам нужен один номер.

Скоро они поженились.

Лет через восемь они поехали в Австрию на конференцию. Дубасов к тому времени стал доктором наук и директором Центральной лаборатории нейротропных препаратов.

На приеме в посольстве она вдруг увидела знакомую фигуру вдали у окна.

– Миша, – спросила она, – вон там, кто это?

– Где? – Он сощурился, присмотрелся. – Да понятия не имею! – И взял ее под руку. – Пошли, я познакомлю тебя с фрау Реттенберг, она урожденная Дубасова, правнучка того адмирала, губернатора, – быстро говорил он. – Из тех Дубасовых, к которым я примазывался, помнишь? Просто моя однофамилица… Она очень интересный человек, и по-русски свободно! Пойдем, пойдем! – И он помахал рукой какой-то пожилой даме в другом конце зала.

– Погоди, – сказала Марина. – Это он?

Только сейчас у нее в голове сложилось: свадьба всего на восемь персон, включая жениха и невесту, как-то уж слишком скромно для сына замминистра; ночной звонок инспектора ГИБДД на ее номер; и слишком пылкий, громкий, прямо даже театральный гнев свекрови.

– Тебе показалось, – буркнул Дубасов.

– Погоди, – повторила она и больно сжала ему руку. – Ты знал? Нет, ты скажи честно, ты все знал?

– Да, – он покраснел и опустил голову.

– Зря ты сразу не сказал! – засмеялась Марина.

Незнакомый мужчина

почти по Чехову

Сандру освободили через пять с половиной лет, и это было чудо. Впрочем, чудо было уже в том, что ее не повесили, потому что за контрабанду наркотиков на Славных Островах полагалась смертная казнь: военным – пуля, штатским – петля. Но в день ее ареста – да, да, буквально в день ее ареста! – король Славных Островов издал указ, что к женщинам смертная казнь более не применяется.

Все остальное было чудом рукотворным. Ее мама и родственники наняли адвокатов, подключили журналистов, общественность, церковь, папу римского и далай-ламу, писателей и ученых, чуть ли не ООН – у них были связи и деньги. Просили, умоляли, собирали подписи, доказывали, что Сандра Стейнбок – никакой не трафикер, а несчастная, ничего не подозревавшая девочка, жертва наркомафии и аферистов. В общем, пожизненное заключение ей по апелляции заменили на двадцать лет; двадцать лет Высокий суд заменил на десять, а потом, за примерное поведение, выпустили досрочно.

На выходе даже выдали заработанные деньги. Шестьдесят тысяч тапсов на карточку и десять тысяч наличными. Карточку оформили тут же, выдали в заклеенном конверте с пином – всё, как в лучших банках. Это выходило примерно две тысячи долларов. За пять лет. Смешно. Потому что хоть она и ткала циновки по восемь часов в день, все равно с нее вычли за еду, электричество и одежду.

Кстати, одежду надо было срочно покупать. Нельзя же оставаться в тюремной униформе – в брезентовых шортах и такой же рубахе.

В исправительной колонии она писала длинные покаянные письма маме. Ах, как мама не хотела ее пускать на Славные Острова! Как она была против этого безделья среди лагун и пальм! «Искать себя!» Искала бы себя в своей родной стране, в Европе, в Штатах – почему обязательно на экваторе? Почему обязательно в городе, куда съезжается вся шпана со всего мира? А она, как дура, кричала: «Это моя жизнь! Я взрослый человек! Я хочу жить так, как я хочу! Я хочу понять себя, найти себя!» Ну вот и пожалуйста. Все поняла? Понятней некуда.

Она писала эти письма, перечитывала и рвала на мелкие кусочки.

Потому что это страшно, больно и унизительно – обнять маму и сказать ей: «Прости. Ты была права».

Хотя еще страшнее и унизительнее – это молча опустить голову, когда мама скажет: «Ну, что я говорила?»

Но самое страшное – это если мама поцелует, обнимет, ни словом не намекнет, но в голове-то у нее все равно будет прыгать победная мысль: «Я была права, а ты дурочка!»

От этого у Сандры ломило в затылке и болело в груди, просто физически тошнило, и в такие минуты она давала себе клятву: лучше тюрьма, голод, нищета, петля – что угодно, только не пепельная укладка на умной маминой голове, только не мамин взгляд, в котором под сочувственным прощением светится презрительная ирония.

Так думала Сандра по ночам, отмаявшись у ткацкого станка. А под утро ей, бывало, снился дом: почему-то всегда дождь, прохлада, мокрый газон перед домом, воскресный завтрак на веранде, серебряный кофейник – и она, если это был выходной день, снова просила бумагу и карандаш, снова писала: «Мамочка, дорогая, любимая…» – а потом снова рвала письмо и клала кучку клочков на краешек стола.

А как все прекрасно начиналось!

Снятый в складчину с новыми друзьями просторный дом на бархатном пляже, сто метров от синей воды залива, фантастически дешевая рыба, креветки и кальмары, а овощи вообще

даром – да, в прямом смысле даром – к двум рыбинам можешь набрать бататов, аспарагуса и вареного риса, сколько унесешь. А какие друзья! Художники и поэты, мистики и ясновидцы, а главное – молодые бизнесмены, которые затевают крутые стартапы.

Вот один такой ее и подхватил.

Как это – подхватил? Да очень просто: незнакомый мужчина подошел к столику, улыбнулся, завел разговор, на третьей фразе по-дружески на секунду прикоснулся рукой к ее плечу…

Дома все мужчины были знакомые. Мальчики из хороших семей и их папы, мамины дальние родственники. Потом скучные студенты, тоже из очень хороших семей.

Незнакомый мужчина – как дверь в другой мир.

Умный, красивый, добрый, милый, голос не повысит, всё с улыбкой. Богатый. Не миллионер, конечно, но деньги есть, и немало. Скоро переехали к нему, он снял отдельный домик. Полгода жили вместе на Островах. Потом путешествовали. В Северной Африке были, в Штатах – Каньон, Ниагара, Эмпайр – всё как надо. Потом по Южной Америке поездили. Перу, Эквадор, Колумбия. Уже купили билеты назад, завтра вылет, и тут вдруг он горестно и ласково сказал, показывая месседж в айфоне: «Отец захворал. Совсем старик. Боюсь, дело к концу. Ты хорошая, ты, конечно, хочешь со мной поехать, я знаю… Но ты же дико устанешь, мне тебя жалко, это же далеко: самолет, потом поезд и потом еще полдня на джипе, отец в деревне живет… Лети домой, я буду через недельку. Ну, через полторы. Да, кстати, возьми мой портфель, что я буду его с собой таскать». «Конечно, возьму! Зачем спрашивать!» Он ее называл своей женой: в гостинице, в ресторане, проводникам в горах. Как это не привезти домой портфель мужа?

Когда Сандра прилетела, ее взяли сразу после паспортного контроля, не доходя до зеленого коридора. Офицер резко протянул к ней руки, он был похож на голкипера, который лихо берет мяч, пробитый неумелым игроком.

В тюрьме ей все рассказала надзирательница: у этих ребят ремесло такое. Они милые и терпеливые. По полгода, а то и по году обхаживают девушек. А потом пускают их с грузом. Из трех, как правило, попадаются две. А одна все-таки проскакивает. Груз стоит до пяти миллионов долларов, и это чистая прибыль. Овчинка стоит выделки. Две девушки идут в расход, а третью пускают на волю – забирают у нее портфель, и беги, радуйся, что цела осталась. Вот такой стартап.

Тюрьма была на далекой окраине.

Сначала надо было купить одежду, а уже потом думать, что делать дальше.

Сандра зашла в маленькую лавочку и купила канпаньян – семиметровую полосу крашеной ткани. Разделась. Замотала конец вокруг правого плеча, потом обмотала вокруг груди, дальше вниз, до колен, потом перехват вокруг бедра и вверх к левому плечу, вокруг и снова вниз, пояс и вроде шлейфа справа. Ткань была тонкая и легкая, сквозистая – как раз для здешней жары. Продавщица, одетая в такой же канпаньян, подвинула к Сандре узкое зеркало на бамбуковых ножках. Неплохо! Ей всего-то двадцать восемь лет, и какая стройная!

Дальше надо было ехать в центр. Найти кого-то знакомого. Снять комнатку в доме с хорошими соседями, и чтобы поближе к морю. Улечься в гамак и постараться понять, что делать дальше.

В автобусе у Сандры вдруг начал болеть зуб. Ни с того ни с сего. Наверное, от нервов. Надо расслабиться.

Она сошла с автобуса на перекрестке, зашла в кафе и заказала двойной виски. Первый раз за пять с половиной лет.

Алкоголь обжег ей рот и затуманил голову. Она испугалась, что заснет или упадет с табурета. Придвинулась к стене. Оперлась спиной. В ушах как будто бы играла музыка. Вдруг ей стало смешно: «Дорогая мамочка! Послушай. А вдруг у меня все правильно? Только в другую

сторону?» – чуть ли не вслух сказала Сандра. Мама говорила: пять-шесть лет помучаешься, получишь хороший диплом – и потом счастье. Потом еще пять лет помучаешься для пиэйчди – и опять счастье. Потом помучаешься, пока своего шефа не подсидишь, тоже лет пять всю контору окапывать – и опять счастье… «За счастье ведь надо платить, так? У мамы плата вперед. А у меня наоборот: сначала счастье, а потом я заплатила. Оплата по факту. А какая разница? Все равно надо платить. А хоть бы и тюрьмой!» Потому что это было настоящее счастье. Не мамино. Что это за счастье – быть начальницей над сотней чиновников? Жить без мужа, вообще не иметь мужчины, не иметь ничего для себя?

Сандра вспомнила волшебный год, который прожила со своим, скажем уж прямо, негодяем. Да, потом оказалось, что негодяй. Увы-увы, это жизнь. А может, не «увы-увы», а «ура-ура»? Ведь как было хорошо с ним, от самой первой секунды, когда он положил свою сильную руку на ее плечо, до самой последней секунды, когда на ее запястьях больно защелкнулись наручники.

Потому что, когда она летела сюда, расставшись с ним, как он обещал, всего на неделю, – ей все еще было хорошо. Она летела, полудремала в широком кресле бизнес-класса, и вспоминала о нем, и любила его в своих мыслях – так, что у нее дрожали бедра от воспоминаний, и она даже попросила стюардессу принести плед, прикрыться от груди до колен.

Он был великолепен в любви! Нежный, страстный, чуткий, сильный и невероятно громадный, и еще у него на самом кончике было два твердых бугорка – он смеялся и говорил, что у всех мужчин его племени так. Хотя в тюрьме подруги ей объяснили, что про племя – чушь, это они вживляют себе такие маленькие золотые шарики. Но неважно! Ее всю сводило, от пяток до затылка. И сто раз неважно, что было потом. Это была плата за счастье…

Она так его любила, что в тюрьме совсем не страдала без секса. Женщинам два раза в неделю раздавали на ночь пластмассовые фаллосы (разносили их в ведерке со спиртовым раствором) или предлагали успокоительные таблетки. Она не брала ни того, ни другого. Ей хватало воспоминаний.

Алкогольное облако улетучилось, и снова заболел зуб.

Сандра подошла к стойке, чтобы взять еще виски, но передумала.

В этом городе, большом и малоэтажном – от этого он казался еще больше, – врачебные кабинеты были на каждом шагу. Сандра увидела вывеску стоматолога. «Город большой, а круг узкий», – подумала она, потому что фамилия была знакомая. Американец, который жил рядом, когда она снимала дом вместе с компанией поэтов, мистиков и молодых бизнесменов. Он, кажется, был мистиком с медицинским дипломом. Часами сидел в позе лотоса и массировал себе пятки. Кажется, они пару раз переспали. Или нет? И вообще, он ли это? Фамилия Диксон не самая редкая. Сандра отодвинула бамбуковую занавеску и зашла вовнутрь – да, это был он. Но теперь совсем смуглый и худой, похожий на местного. Он что-то читал в планшете. Поднял голову.

В тюрьме она выучила язык. Даже два – сельский диалект, на котором говорили надзирательницы, и городской, более изысканный, – язык офицеров и адвокатов.

– *Hello dokter sayang!* – сказала Сандра – *Saya sakit gigi parak.*

– Вы говорите по-английски?

– Да.

– Вот и говорите по-английски, так-то оно лучше будет, – неприветливо сказал он, натягивая перчатки. – Зуб болит, говорите? Садитесь. Откройте рот. Какой зуб?

Сделал снимок и сказал, что надо вскрывать и пломбировать канал. В три сеанса. Это будет стоить восемнадцать тысяч. Шестьсот долларов – тут же подсчитала Сандра. А можно просто выдернуть. Ничего. Верхний правый шестой, никто не увидит. А через полгода – имплант.

– Сколько стоит?

– Имплант?

– Нет. Выдернуть.

– Бесплатно. Это как скорая помощь. Скорую помощь при острой боли мы оказываем бесплатно. За счет городской программы.

– Рвите, – сказала Сандра.

– Сейчас сделаю укол… Тоже бесплатно. Но за снимок триста.

Когда он потом снял перчатки, она увидела его короткий, раздвоенный, как будто разрубленный, ноготь на большом пальце левой руки. Все-таки он. Приступ нежной беспомощности – вдруг захотелось прижать его руку к своему лицу, поднять на него глаза, прошептать «неужели не узнал?» – но от этого внезапного чувства стало стыдно и даже гадко.

«Гадкая, глупая, стыдная жизнь, – думала Сандра, лежа в гамаке, в дешевой комнатке с решетчатыми стенами, меняя во рту окровавленные ватные тампоны и кидая их на пол… – Пустая, бессмысленная, больная жизнь… Мама! Мамочка! Где ты?»

Она заплакала.

Через два дня она обедала в модном ресторане, и угощал ее молодой бизнесмен с Континента, ну то есть с Севера, с Материка. Они познакомились сегодня утром. Он был из крепкой старой фермерской семьи, но окончил университет. Компьютер-сайенс плюс эмбиэй. У него сейчас был отличный стартап, он не вдавался в детали, но ясно было, что это очень круто и перспективно.

Они сидели на террасе. Был январь, самый чудесный месяц на Островах. Вокруг медленно катились волны пестрой праздной толпы.

На Сандре был новый канпаньян, белый с фиолетовыми полосами, и сандалии из кожи варана, а он был в тонком кремово-белом европейском костюме, но без сорочки – пиджак на голый торс. Золотой медальон играл на его смуглой груди. Он откинулся на спинку кресла, свободно расставив свои крепкие ноги. Она оглядела его и тут только почувствовала, что у нее пять лет и семь месяцев не было мужчины.

Но пока они просто приятно беседовали – так, ни о чем.

Вдруг словно вспышка ослепила ее глаза, и ужас перехватил ее дыхание, как будто что-то смертельное случилось на этой площади, как в старом кино – налетели вертолеты и стали поливать огнем, – она задохнулась и поняла: мама!

Мама ведь знает, когда она освободилась! Ведь это мама все организовала! Мама опять ее настигла!

Мама шла по площади, улыбалась ей и протягивала к ней руки. Как тот офицер, который ее арестовывал в аэропорту.

Сандра вскочила с кресла и заорала так, что вилка задребезжала на тарелке, и все официанты и бармены дернулись и повернулись к ней.

– Мама! – кричала она. – Не смей! Не трогай меня! У меня своя жизнь! Своя, своя, своя! Не подходи ко мне!

А красавец в бело-кремовом костюме, зная, что Сандра уже бесповоротно принадлежит ему, ласково и увещевательно говорил:

– Ай-ай-ай, Сандра, ты не права! Нельзя так с мамой. С мамой надо вежливо! Это же твоя мама! – и почти по-отечески хмурился, и полушутя грозил ей смуглым пальцем, на котором торчал толстый перстень с рубином.

Зассыка

не намекать, не вспоминать

Миша Платонов провожал домой Лину Дадашеву и обоссался. В самом прямом смысле, простите.

Но по порядку.

Они учились в МГУ, в стекляшке Первого Гуманитарного, на каком точно факультете – неважно. Допустим, на философском. Или историческом. Не в том дело. Они учились вместе уже три курса. Лина очень нравилась Мише, а он ей – вряд ли. Тем более что они учились в разных группах. Так что у Миши не было возможности как-то намекнуть Лине о своих чувствах. Он даже толком не знал, что она такое, где она живет, как учится, чем интересуется. Все заслоняла ее красота. «Ее опьяняющее обаяние», – так выражался Миша в уме. Он вообще любил формулировать свои чувства – в уме, повторяю.

Лина Дадашева была очень красивая. Вы, наверное, подумали, что она была смуглая и чернокосая восточная красавица, «каракёз», как говорят наши южные соседи, – но нет. Она была светлокожая, русоволосая и сероглазая, рослая, крупная, с округлыми плечами, розовыми пальцами и весьма рельефной фигурой, совершенно русская – от слова «совершенство». Фамилию она получила от своего прадедушки – он был то ли горец, то ли степняк, но потом его кровь разошлась по жилам славянских потомков, совсем растворившись в них.

Об этом она рассказала Мише в тот несчастный вечер, когда он пошел ее провожать и осрамился.

Не знаю точно, зачем она попросила его проводить ее до дому. Наверное, она уже давно ловила в коридоре смутные Мишины взгляды и слушала его нечаянные вздохи, когда на поточной лекции он садился выше нее и смотрел на ее шею – сзади, в вырезе платья. Наверное, ей захотелось узнать, что это за безмолвный поклонник.

Короче говоря, однажды февральским вечером в раздевалке Миша случайно увидел ее и бросился подавать ей пальто – то есть шубку из цигейки, которую она только что приняла из рук гардеробщицы.

– Ты домой? – спросила она, не заботясь о том, что они еще не знакомы.

– Домой, – сказал Миша, чувствуя, как у него бьется сердце.

– Проводишь, если время есть?

– Конечно! А ты где живешь?

– У метро «Парк Культуры». Мансуровский переулок.

– Отлично! – сказал Миша. – На метро по прямой, а там вроде рядом.

– Ну, на метро скучно… – поморщилась Лина.

– Отлично! – улыбнулся Миша. Ему понравился такой подход. – Тогда на такси. У меня деньги есть, ты не думай. Сейчас выйдем, перейдем на ту сторону и такси поймаем. Или левака.

– Ну, на такси… – она снова сморщила нос. – Неинтересно. Давай пешком! Заодно поболтаем.

Миша был счастлив.

Так счастлив, что забыл забежать в туалет перед выходом.

Они вышли из университетского двора через красивую чугунную калитку, пошли вдоль длинной кованой ограды, за которой торчали черные ветки деревьев, облепленные заледеневшим февральским снегом, потом перешли Университетский проспект, спустились к Метромосту. По дороге они, наконец, познакомились и даже пожали друг другу руки, и Мише понрави-

лась, какая у нее нежная, но крепкая и горячая ладонь. Вот тут-то Лина и рассказала, почему она Дадашева при таком бело-розовом обличье.

Говорили обо всем – о ребятах, о кино, о книгах, о кафедрах, о профессорах, об иностранных языках, о планах на будущее – хотя какие там планы, только третий курс!

Миша обрадовался, узнав, что у Лины папа работает в издательстве «Прогресс», заведует редакцией, а мама – доцент в инязе. Миша боялся двух вещей: что Лина Дадашева вдруг окажется дочкой какого-то слишком большого начальника, или, уж извините, совсем наоборот. Потому что Мишин папа был замдиректора по капитальному строительству московского завода «Предприятие почтовый ящик номер такой-то». Тогда так и говорили: работает в «почтовом ящике». Или на «номерном заводе». Папин завод только считался московским, а на самом деле площадки у них были по всей стране, и папа все время ездил в командировки. Страшно занятой человек. Но при этом успевал руководить сыном. В том числе в плане поиска невесты: «Дочка министра нам не нужна, но девочка совсем наоборот – еще хуже. Ищи золотую середину».

Кстати, жил Миша с папой и мамой в Черемушках, в старом краснокирпичном доме, в очень просторной квартире на третьем этаже, но без лифта.

Обо всем этом они разговаривали с Линой, но по-маленькому хотелось все сильнее. Миша перед Метромостом хотел было юркнуть в кусты – «сейчас, я буквально на минуту!» – но Лина почему-то сказала: «Ой. Темно, а там какие-то мужики. Не бросай меня!» – и Миша, конечно, ее не бросил.

Пошли дальше.

Дошли до устья Комсомольского. Миша уже чуть не на одной ножке скакал. А тут Лина вдруг увидела магазин и предложила зайти выпить соку. А там давали разливное пиво. «Ура! – сказала Лина. – По секрету: обожаю пиво! А по кружечке?» Миша не смог отказаться и выпил две по ноль двадцать пять – как Лина.

Потом ему казалось, что она все это делала нарочно.

Когда они вышли на улицу, у Миши уже в глазах темно было и словно острый камень вертелся в низу живота.

– Ты какой-то мрачный вдруг стал, – сказала она. Остановилась, заглянула ему в лицо. Она была высокого роста. Может, даже выше его на полсантиметра. Глаза в глаза: – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Пошли быстрей!

– Пошли!

Она взяла его под руку, почти что прижалась к нему, и тут Миша почувствовал горячо в ногах. В правой ноге, точнее говоря. Он был в короткой драповой куртке, под брюками кальсоны. Все это намокло, потеплело и тут же стало остывать – потому что на улице был если не мороз, то уж точно градусов пять ниже нуля.

Лина отдернула руку, отошла на два шага, взглянула на его потемневшую штанину и засмеялась:

– Описался? Обдулся, бедняга?

– Иди к черту! – крикнул Миша, повернулся и побежал прочь.

Забежал за угол дома и плюхнулся в невысокий сугроб. Потер обе штанины снегом. Набросал снегу себе на грудь, на рукава. Снова выбежал на проспект, стал ловить такси. Покосился и увидел – Лина на него смотрит с расстояния шагов в пятьдесят, но как только она заметила, что он ее видит, тут же повернулась и пошла своей дорогой.

Таксисту Миша объяснил, что упал в мокрый снег.

– Выпил, что ли? – спросил тот.

– Малёк! – сказал Миша. – Наималейший чуток пива. Но с водочкой! – и через силу засмеялся.

Папа в командировке. Мама в гостях. Стирка, развеска, глажка, озноб, стыд и срам.

Утром Миша не пошел в университет, а вызвал врача из папиной ведомственной поликлиники, получил справку на три дня.

На следующий день пришла Лина. Просто так пришла, позвонила в дверь. Объяснила, что взяла адрес у его одногруппников.

Миша лежал на диване в пижаме, накрывшись пледом. Лина сидела, близко пододвинув к нему стул. «Упоительные бунинские колени, – думал Миша. – Из рассказа “Муза”. Круглые колени под просторной суконной юбкой… Где такие юбки берут? За эти колени можно отдать всю жизнь…»

Лина меж тем говорила, что очень рада их знакомству. И хочет дружить дальше. Но с одним маленьким условием.

– С каким?

– Очень просто, – сказала она. – Мы будем дружить, но ты никогда не подашь виду, не намекнешь и даже не вспомнишь про это… – она тихо засмеялась. – Про это смешное происшествие. В котором я ни чуточки не виновата. Ну а допустим, даже и виновата, ну и что? Даешь слово?

– Слово? Про что? – Миша не понимал.

– Что не намекнешь и не вспомнишь. Ну?

– Нет! – сказал склонный к самокопанию Миша. – Я не смогу. Не намекать вслух – это можно постараться. Но забыть – это вряд ли.

– Ну и пожалуйста! – Лина поднялась со стула. – А тогда я всем расскажу, что ты зассыка! В прямом смысле! Обоссался при девушке!

– Милости просим, – сказал Миша.

– Подожди, – Лина снова села на стул, придвинулась еще ближе. – Мне так не нравится. Я хочу с тобой помириться.

– Я подумаю.

– Не надо думать. Что тут думать? Давай в знак примирения ты пописаешь на меня.

– А?

– Посикаешь. Ну, как тебе объяснить? Сделаешь пи-пи.

– Вот прямо так? На это все? – Миша с изумленным смешком показал на ее суконную юбку, на шерстяной пуловер, под которым была отглаженная полотняная блузка.

– Ну что ты… – ласково улыбнулась она, снимая пуловер через голову. – На меня на голенькую. В ванной. Твой папа ведь в командировке, а мама на работе, а сейчас только без четверти четыре…

У Миши как будто два стальных молота состукнулись в голове. Представить себе, что Лина Дадашева сейчас разденется перед ним – от этого у него все дрожало и напрягалось. Но вообразить, что он будет на эту красоту ссать, – это все равно что поссать на картину Ренуара! Тем более что Лина была такая, ренуаровская… От этого у него все как будто бы отнималось.

Лина уже расстегивала блузку.

– Стоп! – закричал Миша. – Не хочу! Уходи, я сказал!

Через месяц Миша стал ловить насмешливые взгляды в коридорах и аудиториях. Казалось, ребята за его спиной шепчутся и хихикают. Ему захотелось быстренько перевестись в другой вуз, но он решил перемочься, перетерпеть. Мужчина он или слабак, вахлак, зассыка, в конце концов?

Зря он сразу не убежал, конечно.

Потому что примерно в начале мая Лина Дадашева – которую он, кстати говоря, продолжал любить – попросила его вот о каком одолжении. К ней жутко клеится один неприятный

человек. Аспирант второго года. Она его терпеть не может, ее просто трясет от омерзения. А он настаивает. Чуть ли не замуж зовет, на полном серьезе. Спрашивает: «Чем я тебе плох? Почему нет? Объясни!» Проходу не дает. Потому что у нее, у Лины, нет нормальной отмазки. Нет *парня,* не говоря уже о женихе. Так что у нее только один выход: «Я скажу, что парень, почти что жених, у меня есть. Это ты! А ты подтвердишь в случае чего. Лады?»

Лады, лады. Он ходил с ней в театр и в кафе. Ждал после занятий. Провожал домой, иногда на такси. И она, представьте себе, занимала ему очередь в столовой и даже пару раз кричала через весь зал, чтобы все слышали: «Мишка, сиди, я сейчас второе принесу! Тебе с рисом или с пюре?»

Но – и всё.

Никаких реальных подтверждений, что она *его девушка* и *почти что невеста,* Лина не давала. И резко отбивала все попытки получить эти подтверждения. Даже после того, как дружки ее прежнего ухажера слегка начистили Мише самовар. Почти что при ней, на выходе из библиотеки. Она проводила его домой, наклеила пластырь на скулу, намазала йодом разбитые кулаки, обняла и сказала: «Ты настоящий друг».

И уехала к себе.

А Миша окончательно и бесповоротно понял, что он и в самом деле зассыка. Уже не в прямом смысле, а в переносном. Слабак, вахлак, рохля, ни на что не годная.

* * *

Конечно, нельзя сказать, что эта история так уж фатально подействовала на Мишу Платонова и он навек остался пристукнутым и опозоренным. Жизнь его шла в общем и целом неплохо. С папиной помощью он перевелся в другой институт, поступил в аспирантуру, защитился в срок, а потом получил сразу старшего научного в академическом НИИ. Женился на тихой милой девушке, внучке бывшего папиного генерального директора, который, хоть и на пенсии, имел своих людей в Совмине и на Старой площади. Папа Миши и дедушка жены сделали молодым прекрасную квартиру, именно «сделали», а не купили, то есть государственную, а не кооперативную. Потом была докторская. Потом папа умер, потом начались реформы, но ни квартиру, ни тем более докторскую у Миши Платонова никто отнять не мог. Так что он к пенсии дополз до заведующего отделом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.